КОНФЕРЕНЦИЯ

ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ I МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«Комплексный подход в изучении Древней Руси»

А. В. Назаренко (Москва)

О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Отрицательные для науки последствия чрезвычайной специализации, обособления частных, иногда очень узких, дисциплин стали очевидны уже давно.

Если говорить об изучении Древней Руси, то дифференциация конкретного знания, его разобщенность по «каморкам» многочисленных больших и малых дисциплин достигли сейчас опасного градуса, дальнейшее повышение которого ставит под угрозу возможность общего синоптического взгляда на феномен Древней Руси или оставляет его произволу дилетантов — ситуация тем более нетерпимая, что существуют естественные точки зрения, с которых сама история Древней Руси представляется явлением хоть и сложным, но частным, нуждающимся во включении в более общую картину русской, европейской, мировой истории. Вот почему конференция, посвященная вопросам комплексного, междисциплинарного подхода к изучению Древней Руси, представляется весьма своевременной. Мои наблюдения в этой связи основаны на личном исследовательском опыте и потому будут касаться прежде всего домонгольского периода, которым мне больше всего пришлось заниматься.

Первый момент, который необходимо сразу же зафиксировать, чтобы потом более к нему не возвращаться: нарастающая специализация — общая черта современной науки, не только историко-филологической, она вызвана причинами объективными и со временем будет, очевидно, только нарастать. Поэтому речь идет не о том, чтобы этот процесс прекратить или затормозить, а о том, чтобы минимизировать отрицательные последствия такой специализации.

В отечественной науке они, эти последствия, были усугублены тем известным обстоятельством, что в силу шедшего от государства идеологического запрета в течение долгого времени практически вне поля зрения историков и филологов вынужденно оказывались многие важнейшие для средневековья аспекты общественной жизни — например, связанные с церковью. Надо ли говорить, что при всеохватывающей роли церкви в раннесредневековом обществе в результате невозможно было создать полноценной истории этого общества — ни истории политического строя, ни истории литературы, ни истории права и т. д. Говорить об этом сейчас,

вроде бы, значит ломиться в открытые двери, но надо помнить, что последствия тех роковых «табу» продолжают обременять науку о Древней Руси. Дело не только в том, что выросло не одно поколение исследователей, которые, скажем, занимаются древнерусской философией, не имея безусловно необходимого в данном случае базового богословского образования, или племя литературоведов, которые читают древнерусских авторов, не ориентируясь в кругу тех священных, литургических, святоотеческих и прочих текстов, *изнутри которых* творил древнерусский писатель. Важно еще понимать, что и некоторые оригинальные тенденции, окрасившие в последние годы науку о русском средневековье, суть реакции на упомянутую табуированность и в этом смысле представляют собой иногда зеркальное отражение тех недостатков, против которых они ополчаются. Приведу только один характерный пример: это интересные работы Н. И. Данилевского о библейской текстуальной основе древнерусской письменности, прежде всего — летописи[1]. Роковым, с моей точки зрения, изъяном этих трудов, при наличии в них, несомненно, целого ряда интересных конкретных наблюдений, является не только то, что, занимаясь общей темой, автор ограничил себя рамками одной крайне специфической методики: его выводы сплошь и рядом оказываются в противоречии, например, с данными летописной текстологии, которые ему, безусловно, известны, но которые он считает себя вправе игнорировать, будучи увлечен оригинальностью развиваемого им подхода. Дело еще и в том, что даже в рамках собственной методики автор «недорабатывает»: ведь прежде всего надо было бы поставить перед собой и решить вопрос, а каким, собственно, был круг библейских текстов, доступных древнерусскому книжнику? Был ли то весь корпус Священного Писания (что мне представляется сомнительным) или он был ограничен текстами литургического обихода — прежде всего апракосными и паримийными чтениями? В таком случае количество возможных библейских параллелей для летописных текстов оказалось бы много меньшим. Да, это существенно осложняет проблему, делает ее *комплексной*. Но таков характер науки о средневековье, даже при максимальном сужении инструментария исследования. Иначе вывод может получиться броским, но заведомо шатким.

Соблазн непозволительного сужения метода при решении общего вопроса, увы, подстерегает порой даже весьма опытных и маститых исследователей. Так, по мнению С. М. Каштанова, развитие общественного строя Руси запаздывало сравнительно с Западной Европой ни много ни мало как на 700 (!) лет[2] — заключение, которое при всем желании никак нельзя принять вполне всерьез. Дело даже не в том, что проблематична сама резко европоцентристская постановка вопроса. Каково основание для столь радикального общего суждения? Оно весьма специфическое: некоторые социальные феномены (например, иммунитет и частный акт) на Руси проявляются примерно на семь веков позже, чем в государстве франков. Наличие как иммунитетных привилегий, так и частного акта, конечно, может служить важным показателем степени и характера общественных отношений, но ведь общественный строй имеет и множество других параметров, без учета которых невозможно ответить на вопрос об уровне его развития.

Еще раз: наука о средневековье — причем о русском средневековье более, чем о западном, — есть работа с деталями, крохами, штрихами из разнохарактерных источников и уже в силу одного этого требует *комплексного* к себе подхода.

Итак, полагаю, необходимость комплексного, иными словами, — междисциплинарного подхода к изучению Древней Руси не подлежит сомнению. Другое дело, что он чаще декларируется, чем практикуется.

---

[1] Данилевский Н. И. Библия и Повесть временных лет: К проблеме интерпретации летописных текстов // Отечественная история. М., 1993. № 1 и др.

[2] См., например: Каштанов С. М. Исторические параллели: Иван III и Карл Мартелл // Россия в X—XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения. Тез. докл. и сообщ. Вторых чтений, посвящ. памяти А. А. Зимина. М., Ч. 1. 1995. С. 227—228.

Говоря о гранях этого подхода, на первое место я поставил бы посильное возрождение *историко-филологического единства* в историческом исследовании. Как историку мне хочется сделать ударение на втором компоненте, на филологии, хотя допускаю, что филологам, которые, за редкими исключениями, сами принципиально размежеваны на лингвистов и литературоведов, дело может видеться иначе.

Ставя акцент на филологии, для древнейшего периода — особенно на сравнительно-историческом языкознании, я одновременно предостерег бы от свойственной современной медиевистике, мягко выражаясь, некоторой переоценки возможностей археологии, во всяком случае на нынешнем этапе ее развития. Археология подкупает исследователя тем, что дает ему в руки непосредственные материальные остатки древнейших эпох, но сложность в том, что она, археологическая наука, зачастую пока еще не разработала убедительных методик интерпретации своих данных. Во многих случаях археология выступает в роли дескриптивной дисциплины, накапливающей материал, но не располагающей соответствующими этому материалу герменевтическими процедурами. Позволю себе только один, зато хрестоматийный пример: интерпретация монетных кладов. Находки монет обсуждаются в археологии с момента ее возникновения, но до сих пор непонятно, о чем, собственно, говорит тезаурация? Свидетельствует ли она, скажем, о наличии монетного обращения и внутреннего рынка или совершенно напротив — об их отсутствии (монету зарывают потому, что она не нужна в повседневной жизни)? А ведь это один из коренных вопросов для оценки уровня экономического развития общества. Между тем очень часто приходится наблюдать, как естественный энтузиазм от ежесезонного пополнения корпуса археологических данных от археологов передается историкам, которые радуются, в очередной раз обнаруживая где-нибудь «молоточки Тора» или тому подобное, но при этом, увы, имеют весьма слабое понятие, например, даже об элементарных фактах хотя бы только славянского глоттогенеза. Археологу и иному историку бывает практически невозможно объяснить, почему славянский топоним *Ладога* не может происходить непосредственно от финского *Alode-jogi*, а только от древнескандинавского преломления этого топонима *Aldeigja* > **Aldagja*, он все равно будет указывать на свои то ли славянские, то ли финские (в зависимости от концепции) древности, отказываясь понимать, что историко-лингвистический результат получен путем *абсолютно жестких* процедур, прошедших двухсотлетнюю апробацию на самом разнообразном языковом материале. А для того чтобы это понимать, надо иметь базовое образование в области сравнительно-исторического языкознания. Вот что я прежде всего имею в виду, когда говорю о восстановлении историко-филологического единства: невозможно на заказ выращивать энциклопедистов масштаба А. А. Шахматова, но совершенно необходимо, чтобы историк, особенно медиевист, обладал определенным филологическим кругозором.

Второе важнейшее условие комплексного подхода в истории — это систематический учет данных так называемых «вспомогательных» исторических дисциплин: хронологии, нумизматики, метрологии, сфрагистики, дипломатики, генеалогии и др., которые давно уже обособились до самостоятельных наук с собственными методиками и инструментарием. Нельзя написать дельной исторической работы на материале летописей без использования компендиума Н. Г. Бережкова по летописной хронологии[3] — и тем не менее они сплошь и рядом пишутся.

И, наконец, последнее, но очень важное, и снова в особенности для древнейшего периода русской истории. История Древней Руси неизымаема из *общеевропейского исторического контекста*, и ее невозможно изучать и понимать без знания и самого внимательного учета того, что происходило на западе, на севере и на юге от нее (в понятие Европы, т. е. стран христианского мира, для того времени, естественно, надо включить и Византию). Само формирование древнерусской

[3] Бережков Н. Г. Хронология древнерусского летописания. М., 1963.

государственности происходило на пространстве, пронизанном культурными и экономическими импульсами, исходившими с юга, севера и запада, и во многом — вследствие этих импульсов. Речь идет, конечно же, не только о прямых или косвенных связях или влияниях, сведения о которых откладывались по преимуществу только в иностранных источниках (отсюда — первостепенная важность для отечественной русистики создания источниковедчески фундированного свода зарубежных свидетельств о Руси[4]), но и о типологии. Так, например, древнерусское престолонаследие совершенно неожиданно оказывается типологически наиболее сходным с франкским, которое может разъяснить многие недостаточно понятные детали русской ситуации[5].

Кроме того, совершенно необходимо сократить, а в идеальной перспективе и вовсе ликвидировать досадный отрыв науки о русском средневековье от европейской медиевистики (включая и византинистику) в целом — от свойственной ей современной постановки проблем, ее методических принципов, ее постоянно развивающегося инструментария. Этот отрыв тем более губителен, что до сих пор находятся влиятельные администраторы от науки, которые стараются выдать нужду за добродетель: свою неспособность соответствовать современным требованиям науки — за принципиальную позицию ревнителей автаркии русистики. В качестве одного из отрадных примеров применения достижений западной науки на почве русской истории можно назвать исследование немецкого русиста Л. Штайндорффа[6], в котором развитие на древнерусском материале получило такое специфическое направление в медиевистике, как изучение западноевропейских средневековых помянников — некрологов, синодиков, книг побратимства (libri confraternitatum) и др. — в генеалогических и просопографических целях, в целях истории менталитета, начатое в послевоенные годы фрайбургской школой К. Шмида и интенсивно продолжающееся до сих пор.

И в заключение — еще один пример, особо показательный тем, что в нем соединены почти все постулированные мною требования к междисциплинарности: проблема происхождения гривны Русской Правды. Понять, что гривна — это выраженная в серебре стоимость стандартного золотого IX—X в., помогло типологическое сходство ее с древнебаварским солидом, сохранившим, в отличие от франкского, ориентацию на золотой. В результате не находившее объяснения название 1/20 доли баварского солида — *scoti* объяснилось как прямое заимствование древнерусского термина *скотъ* в значении «деньги», что в свою очередь стало еще одним веским подтверждением важного исторического факта — древних торговых связей между Древней Русью и Немецким Подунавьем[7]. Историческая лингвистика, нумизматика, собственно история, а отчасти и археология сплетены в этом факте в нераздельный узел — лишнее подтверждение тому, что открытия часто, если не чаще всего, делаются на стыке разных дисциплин, т. е. именно в результате междицсиплинарного подхода.

[4] Работа над таким сводом (под названием «Древнейшие источники по истории Восточной Европы», до 1991 г. — «Древнейшие источники по истории народов СССР») была начата по инициативе В. Т. Пашуто в Институте истории СССР АН СССР на рубеже 60—70-х годов и продолжается ныне в Институте всеобщей истории РАН трудами его учеников; к настоящему времени вышло 18 выпусков свода.

[5] Назаренко А. В. Порядок престолонаследия на Руси X—XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1: Древняя Русь. С. 500—519.

[6] Steindorff L. Memoria in Altrussland: Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge. Stuttgart, 1994 (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. Bd. 38).

[7] Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001.